

Майкл Терри

18+

ПОСЛЕ

Майкл Терри

После

«Автор»

2016

Терри М.

После / М. Терри — «Автор», 2016

ISBN 978-5-532-92977-7

Пройдя реабилитационный курс после жестокого группового изнасилования, Сара Майлз выписывается из больницы в надежде оставить прошлое позади и начать жизнь с чистого листа. Но самое страшное еще только ждет ее впереди. Где правда, где ложь? Где друг, где враг? Что происходит на самом деле, а что является лишь полетом ее фантазии? Как не сойти с ума, пытаясь найти ответы на эти вопросы, в то же время понимая, что помощи ждать неоткуда и рассчитывать теперь приходится только на себя...

ISBN 978-5-532-92977-7

© Терри М., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Пролог	5
1	6
2	11
3	16
4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Майкл Терри

После

Пролог

(13 марта 2016 года)

Меня зовут Сара Майлз, мне двадцать три года, и я из Уолтема, это пригород Бостона, штат Массачусетс. Хочу рассказать вам историю, которая случилась со мной несколько лет назад. По правде говоря, я бы с огромным удовольствием вычеркнула эту историю из своей памяти, что и пыталась сделать неоднократно, но со временем оставила попытки сделать это. Да и как вычеркнуть из памяти то, что является частью моей жизни? До сих пор не понимаю значения фразы "все плохое забудется". Хотела бы я посмотреть в глаза человеку, придумавшему эту фразу... Такое мог сказать только человек, с которым в жизни никогда не происходило ничего плохого, поверьте мне. Прошное, каким бы оно ни было, хорошим или плохим, невозможно забыть. С ним можно смириться, его можно понять, переосмыслить, но забыть... Прошное, к сожалению, или к счастью, кому как, невозможно ни забыть, ни изменить... По крайней мере, большую его часть.

Познакомившись в ночном клубе нашего района с симпатичным голубоглазым блондином по имени Бен, я совсем не представляла себе страшных последствий этого знакомства. Бен казался мне таким милым и замечательным. Наши отношения развивались стремительно, он не уставал поражать меня добротой, интеллектом и чувством юмора, мы целовались целыми днями напролет. Чувствуя, что по-настоящему влюбляюсь в него, я без тени сомнений приняла предложение составить ему компанию для отдыха в дикой природе Нью-Хемпшира. Он говорил, что там будут два его лучших друга со своими подругами, он говорил, что будет весело, он рассказывал о необычайной красоте природы в тех местах, об озере с чистой, как слеза, водой... Но даже если бы он ничего такого не говорил мне, я бы все равно согласилась поехать с ним, потому что, повторюсь, по-настоящему влюбилась в него.

Мы несколько часов мчались по восьмьдесят девятому шоссе, а свернув с него, еще долго петляли по неровным лесным дорогам через какую-то глушь, до тех пор, пока Бен не остановил машину на сказочно красивой небольшой поляне возле озера, окруженного величественными пихтами, а в центре этой поляны стояла обветшалая, но очень уютная хижина.

Эта поездка круто изменила мою жизнь, но я не хочу рассказывать вам о том, что произошло со мной в течение следующих суток. Я не хочу рассказывать вам о том, через какой кошмар мне пришлось пройти, оставшись наедине с тремя извращенными подонками.

Моя история будет не об этой поездке и не о том ужасе, который я пережила, а о том, что произошло со мной после...

1

(13 августа 2013 года)

Подскочив на кровати, я вскрикнула и в страхе огляделась, чувствуя, как холодный пот тяжелыми каплями стекает с моего лба. Сердце колотилось с такой силой, как будто было готово вот-вот разорвать грудь, выпрыгнуть оттуда прямо на кафельный пол и, ударившись об него с силой, разлететься на мелкие кусочки... В конце концов я поняла, что нахожусь в больничной палате, и это принесло мне мгновенное облегчение.

Это был сон... Страшный, ужасный, но все же просто сон.

Я снова оглядела темную палату в свете дежурного освещения над дверью и провела пальцами по правой щеке. Свежей раны не было, только выпуклый рубец от старой.

Просто сон, снова повторила я сама себе. Даже не сон, а воспоминание. Воспоминание того, что произошло со мной в той хижине среди бескрайних лесов Нью-Хемпшира.

Сидя в абсолютной тишине, я закрыла глаза и прислушалась к собственному дыханию, которое уже почти успокоилось и восстановилось. Кондиционер, висящий на противоположной стене, негромко шумел и его шум тоже благотворно влиял на мое состояние. Я перевела взгляд на прикроватную тумбочку с электронными часами, стоящими на ней.

Три часа ночи.

Снова закрыв глаза, я попыталась вспомнить сон в мельчайших подробностях, но очень быстро поняла, что в этом нет никакого смысла. Я и так знала его наизусть. В конце концов, он был точно таким же, как и вчера, как и позавчера, как и позавчера... Я видела этот сон уже почти три месяца. Я подозревала, что увижу его и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра... Кто знает, думала я, может этот сон будет сниться мне до конца моих дней...

В этом сне я снова в хижине.

Они снова издеваются надо мной и насилуют.

Они снова пытаются меня убить для того, чтобы скрыть следы своего преступления.

Бен несколько раз ударяет меня, лежащую на грязном земляном полу, ножом в живот, и я просыпаюсь...

Доктор Коллинз, мой лечащий врач-психиатр, в руки которого я попала сразу же после многочисленных операций, любил повторять о том, что самое главное – это то, что я выжила. Я жива, я здесь, и значит, у меня есть будущее. Все плохое со временем забудется, и моя жизнь начнется снова.

С чистого листа.

Это же говорила и моя мама. Все твердили это, словно сговорившись. Это звучало так просто из их уст...

Я провела рукой по своему животу и нащупала шершавые шрамы от ножа. Эти шрамы уже срослись и кровь не текла из них, но они останутся со мной на всю жизнь, как напоминание о том страшном дне. Эти шрамы начнут со мной мою новую жизнь с чистого листа, но смогут ли они помочь забыть мне весь тот ужас, через который я прошла? Не знаю...

Погруженная в глубокие раздумья, я снова пристально посмотрела на часы.

Три пятнадцать.

Этот день настал. Через несколько часов меня выпишут из больницы. Я откинулась на спину и закрыла глаза. Пожалуйста, пусть мне приснится что-нибудь хорошее, ведь до утра еще так много времени. Погрузившись в слабую дремоту, я, просыпаясь периодически, дотянула до утра. Кое-как приведя себя в порядок и не притронувшись к завтраку, я с волнением ждала, когда появится медсестра и проводит меня в кабинет к доктору Коллинзу, но она все не появлялась. Я прождала ее три часа, но когда в очередной раз бросила взгляд на часы, то поняла, что прошло не больше десяти минут с того времени, как закончился завтрак.

В конце концов, медсестра, все-таки, появилась и, приветливо улыбаясь, сказала, что доктор Коллинз ждет меня в своем кабинете. Мы о чем-то болтали с ней по дороге через длинный коридор и пару лестничных пролетов, но я не могу сказать точно, о чем именно. Да это и не важно. Дверь в кабинет доктора захлопнулась за моей спиной, и он, сидя за столом и не отрываясь от тетради, в которую что-то усердно записывал, жестом пригласил меня сесть.

Несмотря на то, что осень была уже не за горами, теплое и приветливое августовское солнце ярко освещало кабинет доктора Коллинза. Из окна палаты оно смотрится совсем по-другому, подумала я, не таким приветливым и ярким, как здесь, а может это просто мои домыслы. Доктор Коллинз продолжал что-то записывать в свою толстую тетрадь, то и дело покашливая и поправляя очки, а я терпеливо сидела напротив него и ждала, когда он освободится.

– Итак, Сара, – наконец сказал он, отрываясь от блокнота и поднимая на меня свое доброе круглое лицо, очередной раз поправляя очки. – Вот и подходит к концу твоя реабилитационная программа. За три месяца, проведенные в нашей больнице, ты совершила невероятный прорыв. Я не могу не оценить это. Поначалу твое душевное состояние вызывало у меня огромную обеспокоенность, но теперь я вижу перед собой прекрасную милую девушку с разумным взглядом. Ты молодец! Ты сильная! Многие другие, оказавшись бы на твоем месте, не справились бы, но ты молодец.

Он замолчал и с восторгом окинул меня с головы до ног. Я ждала, что он продолжит, но он, видимо, сам ждал от меня каких-нибудь слов. Но каких именно? Я не знала, что сказать ему. Единственное, на что я оказалась способна, это глупо улыбнуться в ответ на его молчание.

– Есть какие-нибудь мысли по этому поводу? – спросил он, прервав эту неловкую паузу, и снова улыбнулся своей доброй улыбкой.

Я пожалала плечами, и тогда он снова спросил:

– Ты боишься?

– Чего именно? – наконец, ответила я вопросом на вопрос, искренне не понимая, что он имеет в виду.

– Ну как... Сегодня тебя выписывают, и ты поедешь домой, – ответил он. – Вполне естественно нервничать в подобных случаях. Все-таки, ты провела здесь три месяца, а это не мало. В больнице ты чувствовала себя в безопасности и комфорте, а там...

– Не совсем так.

– Что не совсем так?

– Это всего лишь больница. Здесь пахнет хлоркой и лекарствами. Комфорт я смогу ощутить только тогда, когда переступлю порог собственного дома, – твердо ответила я.

Наверное, эта фраза прозвучала немного цинично из моих уст, учитывая, как хорошо ко мне относился все это время персонал лечебницы, но... Я просто защищалась. Мне было страшно. Я вдруг подумала, что если я скажу ему, да, меня это немного беспокоит, то он решит продержат меня здесь еще какое-то время. Я не хотела этого. Я хотела только одного – поскорее выписаться!

– Понимаю, – кивнул он в ответ на мою довольно грубую фразу и сделал какую-то пометку в своем журнале, после чего спросил. – Скажи мне, Сара, тебе все еще снятся кошмары?

Я отрицательно покачала головой.

– Ты говоришь правду?

– Если они мне и снятся, то я не помню об этом по утрам, – солгала я в ответ. Уверена, если я бы я рассказала ему о ночном кошмаре, который до сих пор снится мне каждую ночь, он наверняка отменил бы свое решение выписать меня сегодня. Он обязательно продержал бы меня еще месяц, может быть, два, может быть, шесть, может быть, целый год... Если мне придется ждать, пока прекратятся ночные кошмары, я могу никогда не выйти отсюда, подумала я про себя.

– О чем же ты мечтаешь? – задал он следующий вопрос.

Молчать было глупо, поэтому я ответила:

– Поскорее покинуть эту больницу.

– Я имею ввиду не текущий момент, – слабо улыбнулся он в ответ. – В целом, о чем ты мечтаешь?

Я пожалала плечами, и по его взгляду поняла, что этого ему недостаточно, поэтому, все же, ответила, стараясь осторожно подбирать слова:

– Наверное, о том же, что и остальные... Просто быть как все... Выпить утренний кофе, пойти на работу... А вечером спешить с нее домой, зная, что дома тебя ждет любимый муж и дети... Выбраться за город на выходные или поехать к родственникам... Наверное, об этом я мечтаю...

Он пристально посмотрел на меня и спросил:

– Ты часто прокручиваешь в своей голове то, что произошло с тобой в мае?

Я снова отрицательно покачала головой и спросила в ответ:

– А разве в этом есть какая-то необходимость?

– Но ведь не можешь ты просто вычеркнуть случившееся из головы, – уверенно кивнул он. – Так все же? Ты прокручиваешь в своей голове то, что произошло с тобой?

– Я не вижу смысла прокручивать это в своей голове... – начала я, снова стараясь очень аккуратно подбирать слова. – Я помню все, начиная с того момента, как Бен привез меня туда... В ту хижину... Там было так красиво... Я имею ввиду, поляна, лес. Озеро... Я помню все в мельчайших подробностях... Ну, почти все... Помню, как они накачивали меня наркотиками и виски... Помню, как проснулась голая, привязанная к стулу... Помню, как они снимали все на камеру... Помню, как сбросили меня в подвал... Иногда я думаю об этом, ведь у меня на теле столько шрамов... – задрав шею я показала ему на горло, – это шрам от тонкой и острой как бритва веревки, которой они душили меня... – Потом я показала ему на бугристый круглый шрам чуть выше моего правого колена. – Это был Джим, он тушил об меня сигарету... А вот здесь...

– Достаточно, Сара, – прервал меня доктор Коллинз. – Совсем не обязательно держать это в своей голове. Совсем не обязательно помнить о происхождении каждого своего шрама...

– Я помню не о каждом шраме, – возразила я ему и положила указательный палец на правую щеку. – Вот этот шрам, например. Я понятия не имею, откуда он взялся!

– Все равно, это не очень хорошо. Тебе нужно двигаться вперед, и постараться забыть о прошлом как можно скорее, понимаешь? Впереди тебя ждет все только хорошее и прекрасное.

– Как я могу забыть о прошлом? Напоминания о нем находятся на моем теле как зарубки на дереве... – испуганно посмотрела я на него.

– Ты должна думать о будущем, а не о прошлом, пойми. Думай о том, что ждет тебя впереди, а не о том, что ты оставила позади. Только так ты сможешь полностью оправиться от произошедшего.

– Я понимаю... Я хочу домой, – твердо ответила я и посмотрела прямо ему в глаза. Теперь мой голос звучал уже не так испуганно. – Понимаете? Я хочу поскорее вернуться домой. Я думаю, что только тогда закончится мое прошлое, потому что время, которое я провела в больнице, это всего лишь продолжение того, что произошло со мной в хижине. Я хочу вернуться к обычной жизни.

Я замолчала, но доктор Коллинз, внимательно глядя на меня, произнес:

– Продолжай, Сара.

Я пожалала плечами и ответила ему слегка раздраженно:

– Что продолжать, доктор? Я больше не хочу, чтобы вы анализировали меня и мое состояние, понимаете? Вы записываете в свою тетрадку каждый мой шаг, каждое слово, я даже в туалет не могу сходить без того, чтобы вы что-нибудь не записали в ваш проклятый блокнот!

Мне это надоело! Любой человек покажется сумасшедшим, если за ним будут так пристально наблюдать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю! – Я немного перевела дух и продолжила спокойным голосом. – Когда я вернусь домой, все будет по-другому. Мне будут сниться сны, о которых меня никто не будет спрашивать, чтобы проанализировать их... Меня не будут спрашивать каждые пять минут, как я себя чувствую и о чем думаю... Я куплю себе огромный бургер, и никто не сможет отобрать его у меня и сказать, что это не положено...

– Ты хочешь сказать, что пребывание в больнице мешает тебе окончательно выздороветь? – довольным голосом произнес доктор Коллинз, не спуская с меня своего внимательного взгляда.

– Я хочу домой, – только и смогла прошептать я, изо всех сил сдерживая слезы. – Это все, чего я хочу. Вы выпишете меня сегодня?

Доктор Коллинз откинулся в стуле, поправил на носу очки и сложил за головой свои пухленькие ручки, довольно поглядывая на меня, после чего сказал:

– Я звонил утром твоей матери. Она скоро будет здесь. Собирайся, Сара. Сегодня ты отправишься домой! Раз в неделю я буду ждать тебя для консультаций, но это только лишь на первое время.

Доктор Коллинз не обманул.

Чуть позже, когда я уже пообедала и о чем-то поболтала с дежурной медсестрой, приехала мама. Она крепко прижала меня к себе и долго стояла, не шевелясь. Быть может, она плакала... Не знаю. Но я точно плакала, уткнувшись в ее теплую шею, запах которой знаком мне с детства. Слезы лились из моих глаз сплошным потоком, и я ничего не могла, да и не пыталась с этим поделать.

– Увези меня отсюда поскорее, – наконец, смогла выдать я из себя.

– Боже мой, за эти три месяца у тебя скопилось так много книг, – погладила она меня по голове и хихикнула. – Я и понятия не имела, что ты собрала здесь целую библиотеку! Неужели это все принесла сюда я?

– Я прочитала их все от корки до корки, мам, – ответила я, оторвавшись от ее шеи. – Я бы сошла с ума, если бы просто лежала и ничего не делала.

– Ну что, идем к доктору Коллинзу? – спросила она. – Держу пари, он будет очень рад, если ты зайдешь попрощаться.

Я отрицательно покачала головой, и мама с удивлением вскинула брови:

– Разве ты не хочешь поблагодарить его за все то, что он сделал для тебя и посмотреть на него в последний раз?

– В последний раз? – горько усмехнулась я и продолжила. – Я была у него утром и уже попрощалась с ним, – соврала я в надежде, что ей этого будет достаточно.

Мама не стала возражать, но на ее лице ясно читалась нотка разочарования. Это было очень похоже на нее. Она всегда была чересчур вежливой. Она была из тех людей, которые, обращаясь за помощью, умудрялись в одном предложении раз двадцать употребить слово «пожалуйста», как будто одного раза недостаточно, а потом еще тридцать раз сказать человеку «спасибо», даже если он отказывал в помощи.

– Давай просто уедем отсюда, мама. Я хочу скорее вернуться домой и забыть об этом месте навсегда.

– Хорошо, милая, – кивнула она. – Давай сделаем так: я сама заскочу к доктору Коллинзу... Ты точно уверена, что не хочешь пойти со мной?

– Абсолютно! Я подожду тебя в машине.

Уже оказавшись в машине и захлопнув за собой дверь, я откинула сиденье назад и вытянулась, попытавшись расслабиться. На мгновение весь мир показался мне совершенно безмолвным. Я протянула вперед руку, направила на себя зеркало заднего вида так, чтобы посмотреть в свои серо-зеленые глаза, и с удивлением обнаружила, что выгляжу довольно испуганной.

Это немного удивило меня, ведь я так долго и с такой надеждой ждала этот день. И вот он настал.

Я еду домой.

По правде говоря, я не пошла попрощаться с доктором Коллинзом только потому, что мне все равно придется посещать его раз неделю для консультаций еще какое-то время и ненавидела его за это. О, как же я хотела поскорее забыть о существовании этой больницы, о докторе Коллинзе и всем персонале! Я думала только о том, что собираюсь вернуться к своей привычной жизни и снова стать абсолютно нормальным человеком. Я! Собираюсь! Вернуться! К своей! Привычной! Жизни! И для этого мне не нужна ни эта больница, ни доктор Коллинз.

2

(14 августа 2013 года)

Господи, как же я была счастлива, снова оказавшись дома. Никогда раньше не предполагала, что можно так сильно хотеть вернуться в каркасную коробку, обитую сайдингом. Как же я соскучилась по своей комнате, по своей кровати. По своему ноутбуку не самой последней модели! В первую ночь, которую я провела в домашней постели, мне даже не приснился мой кошмар, что меня очень удивило. Я ни разу не проснулась и ни разу не вскрикнула. А утром, бодрая и отдохнувшая, я вышла на кухню и, поцеловав маму, плюхнулась в кресло. Потом я посмотрела на наш красивый сад за широким окном во всю стену и вспомнила, как любила проводить там время в детстве, рассаживая на траве кукол.

– Милая, сделать тебе чаю? – вопрос мамы выдернул меня из воспоминаний. Я даже не успела ответить, а она уже извлекла из серванта две золотистые чашки и два блюдца.

– Мне, пожалуйста, самую большую чашку! – рассмеявшись, ответила я и с любовью оглядела кухню.

– Ты знаешь, – продолжала мама, отходя к плите. – Пока ты спала, я позвонила Бренде и рассказала ей о том, что тебя выписали. Она очень обрадовалась и сказала, что хотела бы заглянуть к нам сегодня ближе к вечеру. Ты не против, если она зайдет?

– А почему я должна быть против? Да, конечно, пусть приходит, мне бы тоже этого хотелось.

– Ты ведь помнишь Бренду Митчелл, правда? – спросила она. – Вы ходили с ней в один класс...

– Мама, ты стала напоминать мне доктора Коллинза, – раздраженно оборвала я ее. – Конечно, я помню Бренду. Меня не было всего три месяца. Врачи сделали мне кучу операций, но мозг не удалили.

В следующую секунду я вздохнула, понимая, что веду себя слишком грубо. Последнее, чего я хотела, это превратиться в какую-нибудь обиженную жизнью раздраженную суку.

– Извини, мамочка, – быстро сказала я, подбежала к ней и поцеловала в щеку. – Я вовсе не хотела огрызаться.

Мама в ответ на это улыбнулась, потрепала меня по щеке и зажгла газ на плите. Я снова села в кресло и задумчиво посмотрела ей в спину, наблюдая за ее действиями. Я не очень хорошо запомнила свой первый день в больнице... Но знаю наверняка, что мама почти сутки без сна просидела рядом с моей кроватью и рыдала, рыдала бесконечным потоком слез... Думаю, ей было не лучше, чем мне, а может, даже и хуже.

– Думаю, тебе понравится этот жасминовый чай, – снова прерывая мои мысли, произнесла она. – Миссис Кендл привезла мне его из Китая. Никогда раньше не любила зеленый чай, мне он всегда казался ужасно горьким, но после того, как я попробовала добавлять в него кусочек лимона... Это просто невероятно! Попробуешь, ангел мой?

– С удовольствием, мамочка!

Она улыбнулась и было видно невооруженным взглядом, что ей очень понравился мой ответ. Она снова стала расхваливать на все лады жасминовый чай, который ей привезла из Китая миссис Кендл, потом переключилась на что-то еще, потом еще... Я пыталась сделать вид, что внимательно слушаю, о чем она говорит, но на самом деле я слушала совсем не ее, а звук ее голоса. Такой родной, такой любимый звук голоса мамы. Боже, какое счастье быть дома.

В обед я, уединившись в своей комнате и открыв ноутбук, стала искать информацию про себя. Не знаю, зачем я решила сделать это, но не смогла устоять от соблазна узнать, что же писала о том событии пресса. Ведь по строгому указанию доктора Коллинза, в больнице мне

запрещено было читать газеты или выходить в интернет. Только художественная литература. «Для твоего собственного блага, Сара», – любил повторять он.

– Жительницу Уолтэма, двадцатилетнюю Сару Майлз доставили в клинику спецбортом медицинской авиации из отдаленного района Нью-Хэмпшира, где группа молодых людей в течение суток удерживала ее в лесной хижине... – прочитала я вслух, открыв очередную онлайн-статью.

Я замолчала и прислушалась к звукам вокруг. Было слышно, как мама возится на кухне. Она, наверное, все это уже читала, без конца вытирая со своих мягких щек слезы, но я, непосредственный свидетель и участник тех событий, тоже должна была ознакомиться с материалом.

Для чего?

Для себя. Для того, чтобы знать о том, что знают об этом происшествии люди или хотя бы та же самая Бренда, которая заглянет вечером. Это было очень важно для меня. Не знаю почему, но это было очень важно.

Прокручивая страницу вниз, я увидела свою фотографию. Фотографию улыбающейся девушки, с которой еще ничего не произошло. Интересно, получается ли у меня сейчас улыбаться точно так же, с грустью подумала я, внимательно разглядывая фотографию. Вряд ли. Я бы очень этого хотела, но вряд ли. Я выглядела на этой фотографии такой беззаботной, что почти невозможно поверить, что это я.

Я едва удержалась от внезапно вспыхнувшего желания протянуть руки к экрану и закричать во весь голос этой милой девушке, чтобы она не ехала на пикник вместе со своим парнем Беном! Что впереди ее ждет ловушка, что это будет страшно и что это навсегда изменит ее жизнь!..

Но прошлое изменить невозможно. Прокрутив колесиком мышки статью еще чуть ниже, я увидела фотографию, на которой был изображен Бен в обнимку со своим другом Джимом... Дрожь пробежала по моей груди, руки затряслись и я, тяжело задышав, молниеносно закрыла вкладку.

– Двадцатилетняя Сара Майлз, – вслух начала я читать статью на другой вкладке, когда немного успокоилась, – пережила страшное испытание, которое не пожелаешь никому. Ее заманил на пикник собственный жених, который...

Я замолчала, не в силах читать дальше и перевела взгляд на окно. Жених? Эх, Бен, Бен... Надеюсь, черви уже сожрали твою гнилую плоть... Хотя, конечно, они не могли сделать этого, тут же подумала я, ведь ты сгорел. Сгорел дотла! От тебя остался один пепел! Вот же повезло тебе – въехал в ворота ада уже сгоревшим, вот что я подумала о нем, и злорадная улыбка коснулась моих губ. Надеюсь, черти в аду не разрешают выбраться тебе из кипящего котла ни на секундочку, чтобы перевести дух...

Задумавшись и представляя себе кипящего в котле и кричащего от страшной боли Бена, я засунула руку под футболку и ощупала ножевые шрамы от колотых ран на животе. До сих пор, последнее, что я помнила – это взрыв в верхней комнате над подвалом. Как следовало из полицейских отчетов, вследствие ненадлежащей эксплуатации и утечки газа в хижине взорвался газовый баллон и вызвал крупный пожар. Трое молодых людей, Бен Роджерс, Джим Андерс и Дональд Свит, от которых не осталось ничего, кроме пепла, погибли в огне, а меня, обнаженную, перепачканную кровью и грязью, с несколькими ножевыми ранениями живота и следами удушья, нашли чуть поодаль представители Лесной службы, которые первыми прибыли на место происшествия спустя несколько часов. Очнулась я уже в больнице. Полицейские, к большому негодованию доктора Коллинза, навещали меня несколько раз в клинике и задавали вопросы, пытаясь разузнать подробности, но я действительно, не знала, чем помочь им. Я даже не знала, как я очутилась снаружи хижины. Я отчаянно пыталась вспомнить это,

но не могла. Полный провал. Видимо, наркотики, алкоголь и тяжелейший стресс сделали свое дело.

В следующую секунду с улицы раздался чей-то смех. Я вскочила на ноги и подбежала к окну, увидев проходивших мимо дома пару мальчишек, что-то оживленно рассказывающих друг другу. Может, они смеялись надо мной? На секунду в моей душе вспыхнул гнев. Я проводила их хмурым взглядом до тех пор, пока они не свернули за угол. Нет, вряд ли они смеялись надо мной, попыталась я успокоиться и напомнила себе, что меньше всего на свете я хотела бы стать параноиком.

А вечером мы встретились с Брендой. Она, как и планировала, пришла в гости вечером после работы. Все время поправляя длинную челку своих белокурых волос, она улыбалась виноватой улыбкой и рассказывала мне обо всем, что произошло за это лето, которое я пропустила, находясь в больнице. Но, как и в случае с мамой, я слушала не столько то, о чем она говорит, а то, как она говорит. Я слушала ее щебет и понимала, что моя привычная жизнь наконец-то возвращается ко мне. Признаюсь, какое-то время, находясь в больнице, я думала, что этого уже никогда не случится в моей жизни. Я ошибалась и теперь, глядя на свою давнюю подругу, радовалась как ребенок, слушая звуки ее голоса.

– Ну, а теперь расскажи, как ты провела время в больнице? – наконец, подытожила Бренда свой длинный монолог.

Я пожала плечами и ответила:

– Хвастаться особо нечем. Разве только тем, что за эти три месяца я перечитала книг больше, чем до этого за всю жизнь...

– Тебе делали операцию?

– Делали. И не одну.

– Это, наверное... – она запнулась.

– Что? – спросила я. – Не стесняйся, Бренда. Можешь спрашивать меня, о чем угодно. Я так давно не болтала с обычными людьми!

– Я просто хотела сказать... Что это, наверное, очень больно...

Я отрицательно покачала головой:

– Ерунда. Операция – это совсем не больно, потому что ее проводят под наркозом. Больно мне было, когда этот мерзавец Джим затушил сигарету об мое колено... Когда этот подонок Бен, которого я любила, накинул мне удавку на шею... Когда этот ублюдок Дональд... Ладно, не будем об этом...

После этих слов Бренда поежилась, а потом вдруг потянулась ко мне и крепко обняла. Я только хотела открыть рот, чтобы спросить ее, что случилось, но поняла, что она сильно плачет. Так сильно, что все ее тело дрожало...

– Мне очень жаль, что с тобой случилась такая страшная беда, – сквозь всхлипы произнесла она. – Боже! Я даже не представляю, через что тебе пришлось пройти. Просто удивительно, что ты можешь сидеть здесь и говорить об этом всем так спокойно. Ты такая сильная.

– Нет, в этом нет ничего особенного, – ответила я, искренне потрясенная ее внезапной вспышкой жалости ко мне. – Поверь, Бренда, каждый из нас гораздо крепче, чем ему самому кажется.

– Они же чуть не убили тебя!

– Да, – хладнокровно кивнула я и погладила ее по голове. – Но в итоге, получилось так, что они сами мертвы. А я жива. Они мертвы. А я жива. Понимаешь? Они навсегда остались в прошлом. А я буду жить нормальной, полноценной жизнью. Они никогда больше не навредят ни мне, ни еще кому бы то ни было.

Я ждала, когда она отпустит меня, но она все еще тихо плакала, прижавшись ко мне, поэтому я не придумала ничего лучше, как обнять ее за плечи и продолжить:

– Все в порядке, не волнуйся, Бренда... Тебе незачем плакать.

– Это просто ужасно, – ответила наконец она и отстранилась от моей груди, смахивая со щек слезы. – Ума не приложу, как ты смогла пройти через все это и не потерять рассудок... Откуда на этом свете появляются люди, способные сделать такое, скажи мне? Если бы они только остались живы, клянусь богом, я бы сама лично без тени сомнений усадила бы их на электрический стул и нажала бы кнопку, подающую ток... Клянусь!

– Ты бы не смогла сделать это! – усмехнулась я беззлобно.

– А вот и нет, смогла бы! И с удовольствием бы посмотрела, как мучаются эти ублюдки!

– Бренда, прекрати. Не будем об этом. Они получили свое сполна.

– Извини, просто... – вздохнув, она посмотрела в окно. – Я ненавижу, что в мире есть такие люди. Я ненавижу, что они находятся среди нас, но мы ничего о них не знаем до того самого момента, в который они раскрывают перед нами свою истинную суть...

– Не хочу копаться в прошлом, – ответила я. – Все кончено. Они погибли. А жива и я иду дальше.

В сумочке Бренды заиграл мобильник, она спешно достала его, взгляделась в то, что было написано на экране и, начав набирать ответ, сказала, обращаясь ко мне:

– Извини, мне нужно ответить Дэвиду.

– Твой новый ухажер? – спросила я и подумала, о, боже, она меняет их как перчатки.

– Нет, что ты! – хихикнула она в ответ. – У нас с ним ничего нет, мы просто работаем вместе. Он очень любит бывать в Хард Рок Клубе и хочет затащить меня туда в пятницу.

– Как? – рассмеявшись, воскликнула я. – Неужели за целое лето никто так и не сжег этот клуб? Он все еще работает? Я совсем забыла о его существовании!

Я соврала. Я не забыла о его существовании. Ведь именно в этом клубе я познакомилась с Беном. Но раз уж я решила начать новую жизнь и забыть о прошлом, то мне показалось самым верным решением ни в коем случае не вздрагивать от страха при упоминании об этом клубе.

– Еще как работает! – весело щебетнула в ответ Бренда. – В пятницу вечером там будет, как обычно, играть какая-то местная гаражная группа, и я даже не знаю, хочу ли идти туда.

– Там все так же воняет самым дешевым пивом? – снова рассмеялась я.

– Безусловно!

– И эти идиотские группы, думающие, что они поют?

– О, да! – еще сильнее рассмеялась Бренда. – Но теперь они поют еще хуже, чем раньше!

Вдруг я замолчала от посетившей меня внезапно мысли, а в следующую секунду спросила неуверенным голосом:

– Можно мне пойти с тобой?

Бренда изумленным взглядом внимательно посмотрела на меня, не найдя, что ответить, и тогда я быстро произнесла:

– Я имею ввиду, конечно, если не помешаю твоему свиданию...

– Нет, – вымолвила она. – Это не свидание, мы просто друзья. Конечно, ты можешь пойти со мной, просто я не думала, что тебе самой захочется этого... Я имею ввиду... – она помолчала несколько секунд и спросила голосом, полным сомнений. – Сара, не пойми меня неправильно, но ты действительно считаешь, что это хорошая идея?

– А почему бы и нет?

– Ты только-только вернулась домой после всего того, что произошло с тобой... Только не обижайся. Я, наверное, что-то не то говорю, просто не могу сформулировать мысль... Что тебе сказали врачи?

– Сказали, чтобы я не в коем случае не заикливалась на прошлом.

– А мама?

– Тот же самое.

– Ну что ж, – все еще внимательно глядя на меня, ответила Бренда. – Может быть, они и правы, Сара. Но мне почему-то казалось, что первое время после выписки из больницы люди обычно проводят дома.

– Так можно просидеть в своей комнате всю жизнь, – возразила в свою очередь я. – Но я не собираюсь превращаться в затворницу, Бренда. Я хочу, как можно скорее вернуться в реальный мир, понимаешь? И ночь в маленьком, знакомом с подросткового возраста вонючем и прокуренном клубе мне точно не повредит! Мне так хочется побыть среди людей и почувствовать себя полноценным человеком, а не случайно выжившей жертвой группового изнасилования... Так как? Ты не возражаешь, если я пойду с тобой?

– Нет, – улыбнулась Бренда и снова обняла меня. – Раз так, то, конечно, я не возражаю! Я заеду за тобой в пятницу вечером!

Когда я вышла на крыльцо провожать Бренду, уже начинало смеркаться. Поцеловав меня на прощанье, Бренда грациозно направилась к своей машине, припаркованной напротив моего дома. Перед тем, как сесть за руль и завести мотор, она обернулась и помахала мне рукой.

Не знаю, что за марка машины была у нее, но она, определенно выглядела очень дорого и так было всегда. Меня это и раньше удивляло, я никак не могла взять в толк, как можно заработать в двадцатилетнем возрасте на хорошую машину, работая администратором в разных гостиницах и постоянно меняя места работы. Родители? Я очень хорошо знала ее родителей, так что это вряд ли. Скорее всего, у нее был какой-то богатый, возможно, даже женатый ухажер, но меньше всего я любила лезть в душу кому бы то ни было. В конце концов, это ее дело. Но я бы так не смогла...

3

(16 августа 2013 года)

Время до вечера пятницы тянулось ужасно медленно, но, все-таки, он наступил. Было уже достаточно темно, когда мы с Брендой вошли в черные двери Хард Рок Клуба. Внутри, почти в полной темноте, было сильно накурено, стоял пьяный гул, а со сцены несло то, что эти люди искренне считали музыкой. Но, несмотря ни на что, этот бар оставался излюбленным местом сбора у всей молодежи Уолтема на протяжении нескольких поколений. Ну, по крайней мере, на протяжении последних двадцати лет. Сколько помню себя, это место всегда было на слуху, даже в то время, когда я не занималась никакими более серьезными вещами, чем причесывание своим куклам волосы. Последнее время, еще до знакомства с Беном, я не очень часто появлялась здесь, но думаю, понятно почему. В жизни каждого жителя Уолтема наступает такой момент, когда он начинает понимать, что этот клуб его уже не ждет, начинает понимать, что он становится здесь лишним. Такой человек все реже появляется в этом клубе, каждый раз все больше убеждаясь, что там совсем не осталось для него свободного местечка, что все уже занято новым подрастающим поколением. В этом клубе редкость те, кому больше двадцати пяти лет. Они уходят, выбирая себе другие места для отдыха, а их место тут же занимают те, кому только-только стукнуло шестнадцать. Вот оно, течение жизни в его самом простом понимании.

– Здесь еще хуже, чем я ожидала! – весело крикнула я в ухо Бренде. – Держу пари, последний раз тут мыли полы еще во времена молодости наших родителей!

– За это мы и любим Хард Рок клуб, правда? – рассмеялась Бренда в ответ.

Улыбаясь, я стала рассматривать толпу. Парни и девушки стояли, сидели, где только возможно по двое, по трое, целыми кучками и весело галдели, попивая из бутылок пиво и выдыхая клубы белого сигаретного дыма под низкий потолок. На миг мне показалось, что это одни и те же люди, которые каждую пятницу приходят сюда как на работу и занимают одни и те же места. Под потолком мигала дешевая цветомузыка, переливаясь всеми цветами радуги... Все было так, как и всегда.

Я вдруг вспомнила, как весной встретила здесь Бена... На мгновение мне показалось, что сейчас он снова вынырнет из толпы, такой красивый, такой галантный подойдет ко мне и широко улынувшись, пошутит что-то насчет музыкантов и их творчества... От таких мыслей на моей спине появился холодный пот, но радостный крик Бренды выдернул меня из воспоминаний:

– По-моему, я вижу Дэвида и его друга Микки, они сидят за дальним столиком! Пойдем, я познакомлю тебя с ними, они отличные ребята!

Отличные ребята... Помню, Бен тоже показался мне отличным парнем...

– Точно, это они! Видишь, Дэвид машет нам рукой? – продолжала Бренда и стала протискиваться сквозь толпу.

Я поспешила за ней, осознавая, что начинаю нервничать перед предстоящим знакомством, и нагнав Бренду, прокричала ей в ухо:

– А они знают обо мне? Я имею в виду, о том, что со мной случилось?

– Я им не говорила, – ответила она, оглядываясь на ходу. – Мы никогда не обсуждали это. Но ты ведь знаешь, что в этом клубе перемалываются любые новости Уолтема, так что не удивлюсь, если они знают об этом... Но вряд ли они знают, что это произошло именно с тобой!

– Все в порядке! – ответила я бодрым голосом. – В любом случае, что было, то было! Меня это не очень беспокоит! Просто я не хочу, чтобы на меня смотрели с жалостью, понимаешь? Я – такая же, как все!

– Не переживай! Они славные и очень воспитанные ребята! Пойдем скорее, сейчас ты сама убедишься в этом!

Мы подошли и Бренда познакомила меня с ними. Не смотря на царивший вокруг невообразимый шум, мы сидели вчетвером за круглым столиком и пытались болтать, периодически выкрикивая что-то в уши друг друга. Конечно, в основном, болтали они втроем – Бренда, Дэвид и Микки, а я молчала, глупо улыбалась, смеялась и соглашалась со всем, что они говорили, даже не вникая в смысл их фраз. Дэвид, тощий долговязый брюнет все время улыбался мне и не сводил с меня своих карих и очень умных глаз. Точь-в-точь как Бен несколько месяцев назад, только глаза у него были голубые... Но поведение – один в один... Интересно, подумала я, это свойственно только ублюдкам или хорошим парням тоже?

В какой-то момент Бренда прокричала, смеясь мне прямо в ухо:

– Ощущение такое, что барабанщик играет совсем другую песню! Как, черт возьми, он попал в эту группу? И ведь он еще получает за это деньги!

Барабанщик и впрямь, не обращая внимания на коллег по творческому цеху, стоящих с ним на одной сцене, с превеликим удовольствием лупил по барабанам, закрыв глаза от счастья и сильно трясая своей патлатой головой.

– Им не платят за выступление! – засмеялся Дэвид нам обоим в уши. – Это они платят за то, чтобы выступить здесь! Пытаются раскрутиться!

– Это многое объясняет, – ухмыльнулась Бренда, и хлебнула немного пива из своего стакана.

– Сара! – прокричал снова Дэвид, улыбаясь мне. – Не припомню, чтобы раньше встречал тебя здесь! Ты новенькая?

– Не совсем! – крикнула я в ответ, попивая через трубочку колу. – Я скорее, старенькая! Просто я... Последнее время я не часто появлялась здесь! И я отсутствовала все лето!

– Где же ты была, если не секрет?

– Просто... Занималась кое-чем другим! – только и нашлась я что ответить, поймав себя на мысли о том, что мне очень сложно отвечать на, казалось бы, такие простые вопросы. Они просто ставили меня в тупик, и я искренне удивилась этому. Видимо, я совсем одичала в больнице за последние три месяца моей жизни.

– А чем ты занимаешься? – не отставал от меня Дэвид. – Кроме того, что приходишь послушать как эти недорокеры пытаются тебя оглушить?

«Пытаются оглушить»...

Я невольно вздрогнула от этой фразы, но при этом быстро приказала себе успокоиться и не быть такой чувствительной к словам другого человека.

– Я... Я начинаю привыкать к тому, что снова нахожусь среди людей в ночном клубе, – ответила я. – Здесь все так знакомо, но в то же время, все так по-другому...

Думаю, Дэвид не понял ничего из моего ответа, но, видимо, боясь показаться идиотом, кивнул с пониманием и перевел взгляд на сцену.

Внезапно я осознала, что мне просто необходимо побыть некоторое время одной для того, чтобы собраться с мыслями. Наклонившись к уху Бренды, я соврала, что хочу отойти в туалет.

– Я вернусь очень скоро! – крикнула я ребятам.

Дэвид, улыбаясь своей голливудской улыбкой попросил меня возвращаться как можно скорее, в то время как Микки, даже не повернув головы, продолжал потряхивать ногой в такт барабанщику и попивать виски из своего стакана, глядя на сцену.

– С тобой сходить? – крикнула Бренда, взволнованно поглядев на меня.

– Спасибо, не стоит, – ответила я, вставая. – Оставайся с ребятами. Со мной все в порядке!

– Отлично! – кивнула Бренда и, прижавшись губами к моему уху, едва слышно произнесла. – Просто, чтоб ты знала, мне кажется, ты очень нравишься Дэвиду.

– Все, что мне сейчас нужно – просто говорить с разными людьми, – ответила я ей. – Парни меня сейчас мало интересуют!

Когда я пробралась сквозь толпу в туалет, то с огромным облегчением обнаружила, что в нем пусто и очень тихо. Сюда не проникали даже удары обдолбанного барабанщика по своему выдавшему виду несчастному инструменту. Я, наслаждаясь тишиной, встала перед раковиной, открыла холодную воду и, наклонившись, с превеликим блаженством сполоснула руками лицо. А когда я распрямилась и посмотрела на себя в зеркало, то увидела прямо за своей спиной...

Бена!!!

Того самого Бена, с которым познакомилась в этом клубе в мае! Того самого Бена, который заманил меня в ту хижину под предлогом пикника. Того самого Бена, который насильничал меня вместе со своими друзьями. Того самого Бена, который пытался меня убить. Того самого Бена, который заживо сторел в хижине, о чем свидетельствовали многочисленные полицейские отчеты...

Он был в той же самой зеленой футболке и тех же самых серых штанах, что были на нем в нашу последнюю встречу. Он стоял прямо за моей спиной и нагло улыбался, глядя на меня своими голубыми глазами через отражение в зеркале.

Я вскрикнула и резко развернулась, увидев перед собой только длинный ряд металлических дверей туалетных кабинок. В ужасе я перевела взгляд обратно на зеркало и увидела, что Бен все еще стоит там, все так же мерзко улыбаясь и разглядывая меня плотоядным взглядом... Я крепко зажмурила глаза и сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться и внушить себе, что это всего лишь иллюзия... Просто сбой в моей нервной системе, вызванный слишком резким изменением образа жизни. Меньше недели прошло с тех пор, как я выписалась из больницы. Я медленно открыла глаза и посмотрела в зеркало.

Бен все так же, не меняя выражения лица, смотрел на меня из зазеркалья, немного склонив голову.

– Ты не настоящий, – твердо сказала я ему. – Тебя нет!

В ответ на это он злорадно ухмыльнулся и покачал головой.

– Я не сумасшедшая, – продолжала я, чувствуя, как бешено начинает колотиться мое сердце, а на кончиках пальцев выступает холодный пот. – Тебя нет. Ты сдох как собака. Ты больше никогда не сможешь мне навредить. От тебя не осталось даже косточек, и я не боюсь тебя.

– Ты и правда, так думаешь? – внезапно ответил он, снова ухмыльнувшись и глядя мне прямо в глаза. – Вот он я, живой и здоровый! Интересно, а вот ты сможешь дожить хотя бы до утра?

– Мне не следовало приходить сюда сегодня вечером, – прошептала я себе, игнорируя его страшный вопрос. – Я просто еще не готова к такому времяпровождению...

– А к чему ты готова? – снова спросил он, услышав мои слова. – Может быть, к тому, чтобы вспомнить правду?

– О чем ты говоришь? – уставилась я в его голубые глаза через зеркало. – Какую правду?

– Правду о том, что ты сделала после того, как полыхнула хижина.

– Я??? – в груди у меня чуть не лопнуло сердце, а голова закружилась так, что я едва устояла на ногах, но нашла в себе силы не упасть. – Что ты имеешь в виду? Я ничего не сделала! Все сделал ты со своими отморозенными друзьями! Ты!!!

Он снова ухмыльнулся:

– Неужели ты веришь в это?

В это время дверь в туалет открылась и на пороге появилась крашенная, изрядно подвыпившая молодая брюнетка в черной мини-юбке и высоких кожаных сапогах. Я ринулась к ней, схватила ее за руку и указала пальцем на зеркало, закричав дрожащим голосом:

– Ты видишь его? Видишь? Вон он стоит! Просто скажи мне, что ты видишь его! Просто скажи!

Бен громко расхохотался по ту сторону зеркала, а потом поднял правую руку и помахал мне ладонью. В это время девица с силой отпихнула меня от себя и выкрикнула:

– С ума сошла, психичка? Отстань от меня сейчас же, обдолбанная дура! Только посмей еще хоть раз прикоснуться ко мне! – с этими словами она несильно лягнула меня ногой и, бормоча себе под нос какие-то проклятия в мой адрес, скрылась в одной из кабинок, с жутким грохотом захлопнув за собой дверцу.

В следующую секунду, вскрикнув от беспомощности и страха, я выбежала из туалета, и, прорываясь сквозь пьяную веселую толпу, ринулась к выходу из бара. Краем глаза я успела заметить, что Бренда вскочила со своего стульчика и побежала за мной, но я ее уже не видела.

– Сара! – услышала я далеко за спиной ее голос. – Сара, стой!

Но я не остановилась. Выбежав на темную улицу, я ускорила темп и, кинувшись через пустынную дорогу, в течение нескольких секунд скрылась в переулке. Домой! Только домой.

– Сара! – снова послышался голос выбежавшей из клуба Бренды. – Где ты? Вернись!

Я остановилась и прижалась спиной к прохладной стене какого-то дома. Через несколько секунд я снова услышала, как она зовет меня, но с облегчением поняла, что она направилась в другую сторону. Оторвавшись от стены, я торопливо пошла по переулку, периодически срываясь на бег...

Если бы я направилась через центр города, то уже давно была бы дома. Но ноги по какой-то непонятной мне причине бесцельно вели меня спящими переулками, на которых не было ни людей, ни машин. Оказавшись в полном одиночестве на каком-то темном пустыре, я добрела вдоль железнодорожных путей до виадука и, всхлипывая от пережитого, пошла вверх по ступеням.

Одиноким оранжевый фонарь висел ровно посередине перехода и тускло освещал идущую над путями металлическую дорожку. Я остановилась под ним, оперлась на перила и посмотрела вниз на рельсы. Какая же я дура, чем я только думала, когда решила попросить Бренду взять меня с собой. Трагедия, случившаяся со мной в конце весны, началась именно в этом клубе, где я встретила Бена. Именно Хард Рок клуб и был, по сути, главным виновником нашего знакомства, как бы абсурдно это не звучало. Слишком рано я решила сунуться туда... Я наивно предполагала, что справлюсь со всем этим, но, как оказалось, я очень сильно ошибалась на этот счет...

– Идиотка... – сказала я себе. – Просто идиотка.

– Разговариваешь сама с собой? – раздался за плечом голос Бена. – Это плохой знак.

Я замерла.

Не может быть.

– Привет, – продолжил голос Бена. – Извини, что не поздоровался сразу... У меня есть предложение. Почему бы тебе просто не прыгнуть вниз прямо сейчас?

Медленно повернувшись, я снова увидела Бена, стоящего в темноте на виадуке в нескольких метрах от меня и нагло смотревшего теми же наглыми бесстыжими голубыми глазами, которые я не забуду никогда в жизни. Инстинктивно я отодвинулась от перил подальше.

– Ну и зачем ты отошла? – разочарованно спросил он. – Всего три секунды полета вместо того, чтобы всю жизнь страдать. В твоем случае это самое верное решение.

Я посмотрела вниз на рельсы и увидела, что к виадуку приближается поезд. Бен абсолютно прав, подумала вдруг я, это ведь совсем не сложно – перелезть через перила и спрыгнуть прямо на пути под стальные колеса поезда. Я бы точно не выжила при таком раскладе... В

больнице мысли о самоубийстве иногда посещали меня, но только в самом начале. Хотя, если честно, сомневаюсь, что у меня хватило бы смелости сделать это. Я всегда старалась говорить себе только то, что нужно сосредоточиться на выздоровлении. Доктор Коллинз тоже постоянно, иногда даже чересчур часто, говорил, что я очень сильная, что я поправлюсь и смогу жить полноценной жизнью. Он обманул меня. А я поверила ему. Наверное, поэтому я и приняла такое глупое решение отправиться сегодня в этот проклятый клуб...

Поезд с грохотом пронесся всего в нескольких десятках сантиметров под моими ногами, заставляя металлическую дорожку дребезжать и вибрировать в течение нескольких секунд.

– Жаль, – спокойно вздохнул Бен. – Но не беда. Скоро здесь снова проедет поезд.

Посмотрев ему прямо в глаза, я отрицательно покачала головой.

– Нет? – улыбнулся он и вопросительно поглядел на меня. – Ты не сделаешь этого?

– Чего тебе нужно? – заикаясь, пробормотала я. – Оставь меня в покое...

– С чего бы это?

– Оставь меня в покое, слышишь?! – крикнула я и сделала маленький шаг в его сторону.

– После того, что ты сделала? – спросил он, нахмурившись. – Ну уж нет!

– Что я сделала? – спросила я его в свою очередь, дрожа всем телом от страха. – Разве не ты вместе со своими друзьями привязал меня к стулу и... И...

– Я знаю, – спокойно ответил он, поднимая вверх обе руки. – Я все помню. Но ведь ты сама во всем виновата, разве нет? Разве тебе не нравилась эта игра?

– Иди к черту, – прошипела я сквозь зубы, чувствуя, как слезы покатались по моему лицу.

Вдалеке послышался звук приближающегося поезда.

– Все думают, что ты такая невинная, – продолжил Бен с укором. – Бедная Сара, несчастная Сара, невинная овечка Сара... Жертва... А что, если люди узнают правду? А что, если они узнают, что ты сделала после того, как загорелась хижина?

– Тебя нет, – ответила я твердо, вытирая слезы и не желая слушать этот бред. – Это просто галлюцинация. Я просто еще не до конца восстановилась.

– Уверена?

– Я знаю, что ты сдох, ублюдок! От тебя остался один пепел! Я читала полицейский отчет!

Он улыбнулся в ответ на это, а я судорожно пыталась понять, в чем он хочет обвинить меня. Поезд с грохотом промчался под виадуком, а я все стояла неподвижно, задумчиво глядя на него со страхом и ненавистью, когда его раздраженный голос вернул меня в этот мир:

– Ты опять не прыгнула? Не беда. Подождем следующий поезд, думаю, он будет очень скоро. Два поезда, и ты пропустила их! Заметь, у тебя было уже два шанса покончить с этим раз и навсегда!

Я, задыхаясь, обернулась и посмотрела на пути, а он продолжал:

– Давно тебя выписали из больницы? И для чего? Чтобы ты стояла на этом мосту и тряслась от страха в то время, как я буду и дальше насмехаться над тобой? Представляешь, как весело нам будет, если ты не закончишь все прямо сейчас? Подумай о тех ночах, которые будут у тебя впереди, Сара! Поверь, я не допущу, чтобы ты забыла обо всем, что произошло в той хижине! Я не дам тебе жить!

– Ты ненастоящий, – снова прошептала я и крепко зажмурилась. – Ты сдох, и ты ничего не сделаешь мне! Я даже смотреть на тебя не буду! Когда я открою глаза, тебя уже не будет!

Бен ничего не ответил на это, а еще через несколько секунд я услышала шум очередного приближающегося к виадуку поезда. Я очень хотела открыть глаза, но боялась, что снова увижу того, кого я ненавидела всем сердцем. Я задержала дыхание, пытаюсь успокоить свои мысли. Надо учиться справляться со своими страхами и эмоциями, и тогда галлюцинаций не будет, это я знала наверняка. Главное, быть сильной, уметь контролировать свой разум и сохранять здравомыслие. Я повторила эти слова несколько раз, как вдруг снова услышала голос Бена:

– Поезд приближается. Давай же! Сделай это!

Охваченная страхом, я повернулась лицом к путям и открыла глаза, увидев огни спешащего ко мне состава. Очень медленно я положила руки на холодные перила и посмотрела прямо вниз на рельсы, которые сияли все ярче, отражая от себя свет головного прожектора. Дорожка подо мной начала слегка вибрировать.

– Прыгай! – прошипел за спиной голос Бена.

Интересно, подумала я, это очень больно, когда стальные металлические многотонные колеса разрезают тело как раскаленный нож кусок холодного масла? Я попыталась представить себе, что я почувствую, когда это произойдет. Наверное, все же, будет больно, но недолго... Самое большее, секунда или две, а потом всё. Боли не будет. Мама, наверное, будет очень страдать, ведь она останется совсем одна...

– Прыгай скорее! – закричал за спиной Бен.

Я закинула ногу на перила и начала переваливаться через них...

– Скорее! – злобно зашипел Бен мне в самое ухо.

– Сара, что ты делаешь? – внезапно я услышала голос Дэвида, а потом почувствовала, как его сильные и горячие руки схватили меня и затащили обратно на мост.

Поезд прогрохотал снизу и умчался вдаль, вибрация улеглась под ногами.

– Сара? – серьезным голосом спросил Дэвид, крепко обнимая меня. – Что это было? Ты хотела спрыгнуть под поезд?

– Я... Нет, – заикаясь, ответила все же я, оглядываясь по сторонам, но Бена нигде не было видно. – Ты видел его? Где он?

– Кого? – спросил Дэвид и тоже огляделся. – Здесь была только ты. Я едва успел схватить тебя... Почему ты пыталась сделать это? Ты с ума сошла?

Я не ответила ему, а просто повернула голову и посмотрела вниз на рельсы. Уже сейчас я могла бы быть мертва... О боже, какой ужас... А что было бы с мамой? Она бы не пережила этого. На мгновение я представила себе куски моего тела, разбросанного под виадуком и кровь, залившую все вокруг. Потом я представила себе, как поезд останавливается и из него выбегает обезумевший машинист, чья жизнь после этого, безусловно, тоже была бы разрушена... Идиотка, просто эгоистичная идиотка, подумала я, закусив нижнюю губу. В следующую секунду я, все еще прижимаясь к Дэvidу, испытала огромное облегчение от того, что не натворила глупостей и всей грудью вдохнула прохладный ночной воздух, разбавленный запахом железнодорожного масла.

– Так все же, Сара, – строго спросил Дэвид и посмотрел мне в глаза. – Почему ты хотела прыгнуть?

– Я не знаю, – заикаясь, пролепетала я, дрожа всем телом. – Я правда, не знаю... Это очень долгая история и ты вряд ли поверишь в нее...

Дэвид вздохнул, снял с себя куртку и, накинув ее мне на плечи, спросил:

– Расскажешь? Знаю одно уютное местечко неподалеку отсюда.

После этих слов он, не дожидаясь моего согласия, взял меня за руку, помог спуститься по лестнице и повел обратно той самой дорожкой, по которой я пришла сюда. В какой-то момент я подняла голову на опору линии электропередач и увидела черный объектив камеры наружного наблюдения, направленной прямо на виадук...

– Это чудо, что я нашел тебя, – сказал Дэвид, помешивая сахар в чашке кофе полчасом позже, когда мы сидели с ним в тихом безлюдном кафе.

– Как ты узнал, где я? – спросила я, с благодарностью глядя на него.

– Бренда очень переживала, когда ты сбежала из клуба. Мы решили разделиться, она пошла по улице вниз, я вверх, а Микки отправился на восток.

– Хм... А если бы я пошла западными переулками?

– Поэтому я и говорю, это чудо, что я нашел тебя.

– Спасибо, – прошептала я и слабая улыбка озарила мои губы. – Значит, Бренда рассказала тебе мою историю?

Он немного поколебался, но потом, все же, ответил:

– Очень кратко. У нас не было времени вдаваться в подробности. Но я читал о тебе в одной газете в начале лета. Ты знаешь... Я даже не знаю, что сказать по этому поводу...

– Не нужно ничего говорить, – ответила я. – По правде говоря... Люди всегда чувствуют потребность сказать мне что-нибудь хорошее, как-то успокоить, но на самом деле такими поступками они лишь раздражают меня. Как можно помочь человеку, тогда, когда не знаешь, каково это, оказаться на моем месте... Лучше, если бы они вели себя со мной так, как со всеми остальными. Как будто ничего не было. Это было бы замечательно, и я бы не чувствовала себя уязвимой... Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?..

– Да, естественно, – утвердительно кивнул Дэвид, пристально глядя мне в глаза. – Я почему-то думал именно так же, хотя я не очень хороший психолог... Но, Сара, пойми и ты. Что бы ни случилось с тобой в прошлом, это осталось далеко позади. Неужели ты прошла через все это только для того, чтобы спрыгнуть под поезд? Неужели, когда ты лезла через перила виадука, то не подумала о том, какое горе принесешь своей бедной матери?

В свою очередь я, так же пристально посмотрев ему в глаза и понимая, что он абсолютно прав, спросила в ответ:

– Дэвид, на том мостике... На виадуке... Я точно была одна?

– Однозначно! Немного странный вопрос, Сара...

– Тогда можно я задам еще более странный вопрос?

– Валяй, – кивнул он, пожав плечами.

– Ты веришь в привидения?

– Типа, когда ты видишь тех, кто умер? – вскинул он брови. – Нет. Нет, я не верю в подобные байки. Я уверен, что если кто-то умирает, то остается мертвым, несмотря ни на что. Если бы это было реальностью, то у людей, учитывая уровень развития человеческой цивилизации, давно были бы неоспоримые доказательства этому. Разве нет? – он помолчал немного, а потом спросил. – А к чему это ты спросила? Не хочешь ли ты сказать... Не хочешь ли ты сказать, что видела привидение на том виадуке?

Вздыхнув, я поняла, что не смогу рассказать ему о том, что видела и не смогу ничего объяснить. Он просто подумает, что я сумасшедшая и мы больше никогда не увидимся. Мне этого очень не хотелось, ведь он показался мне таким классным парнем, а кроме того, он спас мою жизнь. Поэтому я просто улыбнулась и сказала ему:

– Не бери в голову. Видимо, я еще не совсем оправилась от всего того, что произошло со мной три месяца назад... Я ведь именно в этом клубе познакомилась с тем, кто делал со мной эти ужасные вещи и хотел убить меня... Я сделала страшную глупость, уговорив Бренду взять меня с собой. Мне очень хотелось доказать себе, что я начала жизнь с чистого листа и что я такая же как все... Я... Я ошиблась. Это было слишком рано.

– Понимаю, – кивнул он и взял мою дрожащую руку в свою ладонь. – Но я хотел сказать тебе, что рад, что ты пришла вместе с Брендой сегодня. Я очень рад нашему знакомству! Ты... Ты очень красивая! Ты просто великолепна!

Я не ожидала этого и нахмурилась, не веря ни единому его слову:

– Как я могу быть великолепной с этим ужасным шрамом на щеке? Видел бы ты еще мой живот...

– Я говорю абсолютно серьезно. Ты потрясающая девушка и, пожалуйста, пообещай мне, что впредь ты больше не будешь пытаться совершать глупостей наподобие тех, которые могли произойти менее часа назад!

– Я обещаю, – честно ответила я.

– Ну вот и хорошо, – выдохнул он. – Пойдем я провожу тебя домой.

Потом мы шли в прохладной тишине ночного Уолтема и рассказывали друг другу всякие истории. Мне было очень хорошо с ним. Он показался мне настоящим рыцарем, настоящим джентльменом, настоящим мужчиной, каких увы, в наше время, почти не осталось... Правда Бен казался мне точно таким же, то и дело проскальзывала в голове мысль...

– Ну вот мы и пришли, – вздохнула я и, улыбнувшись, повернулась к нему. – Ты доставил леди до ее дома в целости и сохранности! Извини, за то, что принесла тебе столько проблем.

– Жаль, что не было дождя, – ответил Дэвид. – Потому что тогда я был бы вынужден нести тебя домой на руках, чтобы ты не замочила ноги.

Я не смогла сдержать веселый смех после этих слов. Конечно, я не готова была взять и поцеловать его, но этот парень действительно мне нравился, и он действительно был очарователен.

...Хотя Бен тоже казался мне очаровательным... И тоже очень нравился мне...

– Ты очень галантен, – только и сказала я ему, посмотрев на часы и убедившись в том, что уже почти два часа ночи. – Я бы с удовольствием пригласила тебя зайти, но, боюсь, моя мама проснется и не даст нам остаться наедине ни секунды.

– Да. Понимаю. Ничего не поделаешь, я найду как-нибудь в другой раз.

Некоторое время мы стояли молча и смотрели друг на друга, а потом он сказал:

– Очень надеюсь увидеть тебя в скором времени, Сара. Мне было очень приятно познакомиться с тобой, и я надеюсь, то, что увижу тебя вновь как можно скорее. Мне бы очень этого хотелось.

– Спасибо за прекрасный вечер, Дэвид, – я осторожно коснулась пальцами его руки. – Ты очень славный. А теперь прошу извинить меня, но мне действительно, пора.

Через несколько минут, прошмыгнув в дом как мышка, я сразу увидела маму, сидящую на стуле в коридоре рядом с горящим на журнальном столике светильником. Она поздоровалась со мной как ни в чем не бывало и, не поднимая головы, продолжала отчаянно делать вид, что просто листает журнал перед входной дверью посреди ночи, но у нее это плохо получалось. Я не смогла сдержать улыбки, подошла к ней и чмокнула в макушку со словами:

– Все хорошо, мам, не переживай.

– И кто же этот высокий брюнет, который провожал тебя?

– Откуда ты знаешь? Ты разве не читала в это время журнал? – хитро посмотрела я на нее.

– Читала, но совершенно случайно именно в тот момент выглянула на улицу, посмотреть... Э-э-э... Не перегорела ли лампа над крыльцом... Ну, ты понимаешь...

– Это Дэвид, мамочка. Нас познакомила Бренда. И он мне кажется очень хорошим.

– Главное, не слишком торопи события, любовь моя, – мама поцеловала меня в щеку и отправилась в свою комнату, а я включила свет в кухне и, сев на стул и закинув ноги на стол, задумалась, глядя в темное окно. Ну и ночь выдалась, однако...

В следующую секунду, я начала понимать, что в саду за окном горит какая-то красная точка. Я оглянулась, первым делом предположив, что это просто отражение от чего-то, горящего красным светом в кухне, но не увидела вокруг ничего похожего.

А еще через секунду я поняла, что вижу за окном красный огонек работающей видеокамеры. Кто-то прямо сейчас снимает меня на видеокамеру... Мне стало дурно от этой мысли... Пытаясь убедить себя, что это всего лишь очередной заскок в моей голове, я нашла в себе силы на ватных ногах дойти до выключателя и погрузить кухню в крошечную темноту.

С трудом сглотнув комок в горле и вернувшись к окну, я увидела, как огонек сместился вдоль кустов и погас. Я застыла на месте от потрясения, сумев разглядеть за стеклом фигуру, одетую в черное, которая, пригнувшись, спешно покидала наш сад. При мысли о том, что кто-то сейчас снимал меня на видео, мурашки побежали у меня по коже, а руки затряслись в бес- сильной панике.

Отступив от окна, я пообещала себе, что утром обязательно поговорю об этом с мамой и мы сообщим в полицию.

В этом не было никакой необходимости. Как только наступило утро, нас разбудил звонок в дверь. На пороге стоял уже знакомый мне детектив Гудвин.

4

(17 августа 2013 года)

Сердце мое колотилось, как ненормальное, пальцы на руках побелели и тряслись, как листья на осеннем ветру, а из глаз нескончаемым потоком лились слезы. Я пыталась что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова. Детектив Гудвин сидел за нашим кухонным столом напротив нас с мамой, которая беспрерывно гладила меня по голове, и несильно стучал пальцами по белоснежной скатерти, а перед ним стояла чашка дымящегося кофе. Он принес ужасные вести. Просто ужасные. Видео, в котором меня насилует Бен и его дружки, каким-то образом попало во всемирную паутину. Пожалуй, это была самая страшная новость, которую он мог принести. Клянусь, если бы он сказал, что мои палачи каким-то образом выжили, я бы расстроилась намного меньше.

Гудвин вздохнул, глядя на меня, и произнес, обращаясь к нам с мамой:

– Главное, не паниковать и оставаться спокойными. Возможно, мне вообще не следовало приходить к вам сегодня, но я подумал, что пусть лучше ты, Сара, узнаешь это от меня, а не от кого-нибудь...

– И мы очень благодарны вам за это, детектив, – серьезно ответила мама. – Я просто не представляю, что случилось бы с моей девочкой, если бы она узнала это от кого-нибудь постороннего... Спасибо вам.

– Значит... – смогла, наконец, я выдавить из себя сухим хриплым голосом, пристально поглядев в глаза детектива. – Значит, это видео может скачать кто угодно?.. Любой человек в мире может просто выйти в интернет и скачать видео, которое записали эти подонки в той хижине?..

– Все намного сложнее, чем ты думаешь, Сара, – попытался успокоить он меня. – Абсолютно официально заявляю, что распространение порнографии – уголовно наказуемое деяние, поэтому этого фильма нет ни на одном из официальных ресурсов, так что вероятность того, что кто-нибудь из твоего окружения наткнется на него в сети близка к нулю. Видеофильмы такого плана загружаются только на специальные тематические сайты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.